

УДК 82-311.4

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-1-53-62

Мир деревни в прозе С. С. Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х гг.

С. А. Дубровская

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
s.dubrovskaya@bk.ru*

О. Е. Осовский

*Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
osovskiy_oleg@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается процесс художественного осмысления мира деревни в прозе С. С. Кондурушкина. Опираясь на воспоминания о деревенском детстве, используя опыт поездок по Поволжью, писатель раскрывает социальные проблемы деревни, показывает глубину духовного кризиса и намечает пути переустройства деревенской жизни.

Цель: выявить фактографический и художественный пласты, связанные с родным селом С. С. Кондурушкина.

Материалы исследования: очерки С. С. Кондурушкина «На выборах» и «Крестьянство», рассказы и повести «костычёвского цикла», личный архив писателя.

Результаты и научная новизна. В ходе анализа прозаических произведений С. С. Кондурушкина сделан вывод о том, что воссоздаваемый автором мир деревни – это мир его родной Мордовской Липовки, а её жители со всеми своими бедами и заботами – герои его рассказов и повестей.

Особое внимание в статье уделено повести «Монах», в которой автор представил панораму деревенской жизни, социальных противоречий, духовно-нравственного и экономического упадка села и мятущегося героя, отчасти обретающего себя с возвращением из Афонского монастыря на родную землю.

Впервые представлен развёрнутый анализ деревенской прозы С. С. Кондурушкина, выявлено место деревни и деревенской жизни в художественном мире писателя, введён в научный оборот ряд архивных материалов.

Ключевые слова: С. С. Кондурушкин, мир деревни, социальная жизнь, деревенская повседневность, «костычёвский цикл», новая социология литературы

Для цитирования: Дубровская С. А., Осовский О. Е. Мир деревни в прозе С. С. Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х гг. // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, №. 1 (52). С. 53–62.

The world of a village in S. S. Kondurushkin's prose of the 1900s and early 1910s

S. A. Dubrovskaya

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
s.dubrovskaya@bk.ru*

O. E. Osovskiy

*Mordovia State Pedagogical University,
Saransk, Russian Federation,
osovskiy_oleg@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the process of literary reflection of the world of a village in S. S. Kondurushkin's prose. Based on memories of childhood in a village, using the experience of trips to the Volga Region, the writer reveals the social problems of a village, shows the depth of the spiritual crisis and outlines ways to rebuild village life.

Objective: to identify the factographic and artistic layers associated with the native village of S. S. Kondurushkin.

Research materials: S. S. Kondurushkin's essays "On Election Day" and "Peasantry", short stories and novels of the "Kostychyovka cycle" and the writer's personal archive.

Results and novelty of the research: during the analysis of S. S. Kondurushkin's prose works, it was concluded that the world of the village recreated by the author is the world of his native Mordovian Lipovka, and its inhabitants with all their troubles and worries are the heroes of his stories and novels.

Particular attention is paid to the novel "The Monk", in which the author presented a panorama of village life, social contradictions, spiritual, moral and economic decline of the village and the restless hero, who partly finds himself with the return from Athos monastery to his native land.

For the first time the detailed analysis of S. S. Kondurushkin's village prose is presented; the place of the village and village life in the writer's artistic world is revealed; a number of archival materials is brought into scientific circulation.

Key words: S. S. Kondurushkin, world of a village, social life, village everyday life, "Kostychyovka cycle", new sociology of literature

For citation: Dubrovskaya S. A., Osovskiy O. E. The world of a village in S. S. Kondurushkin's prose of the 1900s and early 1910s // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (1/52): 53–62.

Введение

Понятие «мир деревни» достаточно широко используется современным литературоведением и иными гуманитарными дисциплинами и не нуждается в дополнительных разъяснениях [3; 10]. Это явление – одно из составляющих «национального космоса» (Г. Д. Гачев) – имеет характерные национальные особенности, входит в пространство большого национально-культурного дискурса, обладает собственным историческим временем, чётко очерченным хронотопом.

Мир мордовской деревни привлекает внимание значительной части русских писателей, первые опыты его описания появляются в «Очерках мордвы» А. П. Мельникова-Печерского (1867), он находит отражение в прозе А. М. Горького и И. А. Бунина. Целенаправленное его воплощение как особого явления современной жизни присутствует в рассказах С. В. Аникина, с именем которого связан процесс зарождения профессиональной мордовской словесности [13]. Особое место в этом ряду занимает С. С. Кондурушкин, творчество которого в последнее десятилетие привлекает внимание исследователей [2; 4; 14].

Современная наука о литературе ставит и решает достаточно широкий ряд проблем междисциплинарного характера, в частности, речь идёт о новой социологии литературы, для которой художественные произведения становятся источником анализа социальных вопросов прошлого и настоящего, меняющегося социума, общественных, политических и даже экономических проблем. Опыты историко-культурных и историко-экономических реконструкций европейских политических и экономических реалий XIX столетия сквозь призму их литературных интерпретаций, выявления меняющихся при этом авторских интенций осуществлялись не раз, и, как можно констатировать, оказались научно убедительными [1; 16; 18; 19]. Нет сомнений, что подобные подходы работают при реконструкции социально-идеологической, политической, экономической

реальности Российской Империи XIX – начала XX века [12].

В этом контексте заслуживает особого внимания проза С. С. Кондурушкина, представляющая собой одно из важнейших свидетельств общественной и социальной жизни России 1900–1910-х гг. [4; 15; 17].

Материалы и методы

Материалами для статьи послужили очерки С. С. Кондурушкина «На выборах» и «Крестыанство», произведения «костычёвского цикла» («Перед праздником» и «Монах: Повесть из жизни природного монаха Дорофея Кистанова»), впервые вводимые в научный оборот рукописи из личного архива писателя, в частности его «Автобиографические заметки».

В статье авторы опираются на традиционную литературоведческую методологию, используя биографический и историко-культурный методы, а также метод комплексного анализа художественного произведения.

Результаты

Мир мордовской деревни рождается у автора из его личного опыта, активного интереса к той политической и социальной современности, в которой деревня живёт в бурные годы Первой русской революции. Справедливости ради отметим, что социальная и политическая ангажированность молодого писателя, близкого к партии эсеров, имела закономерный результат: Кондурушкин интересуется не столько национальный колорит и этнографическая специфика родной мордовской деревни, сколько те социальные, политические и экономические проблемы, с которыми сталкиваются его земляки, то, насколько ситуация Мордовской Липовки созвучна с происходящим в России в целом (если мы ведём речь о его очерках) или укладывается в общее представление о деревне Среднего Поволжья, которая по преимуществу и остаётся в центре

его художественной прозы. Это однако не отрицает того очевидного факта, принципиального для нашей статьи, что Кондурушкин использует прежде всего жизненный материал своего родного мордовского села. Напомним, что он писал о своём происхождении: «Я начал писать стихи лет 10–12-и, но весьма неудачные. Да и как мне было владеть русским языком?! Вырос я в полумордовском селении, в бедной крестьянской среде, столь скудной красотой слова и обстановки <...> Я и учился-то в десять раз медленнее того, как обыкновенно учатся молодые люди, поставленные в подходящие для этого условия...»¹.

Мордовской Липовки не могли не коснуться демографические и этнические процессы, происходившие в Самарской губернии во второй половине XIX–начале XX в. В том числе – процесс частичного обрусения, что нашло отражение в изменении названия: из «Мордовской Липовки» оно превратилось в «Липовку». В предисловии к «Списку населённых мест Самарской губернии» отмечалось: «Мордва в количестве 10,5% общ. ч. насел. поселены во всех уездах <...> Большинство мордвы принадлежат к роду Эрзя, а остальные мордва – мокша, выходцы из Пензенской и Тамбовской губ.; все крещены. Живут они и отдельно и разрозненно, попеременно с другими народностями, и в особенности с русскими, с которыми вступают даже в родственные связи, но по языку, обрядам и в особенностях одежды ещё доныне весьма мало обрусели» [9].

Первый опыт осмысления современной деревни Кондурушкин предпринимает на рубеже 1906–1907 гг., описывая в очерке «На выборах» процесс собственного избрания в число представителей крестьянства Самарской губернии во II Государственную Думу. Очерк состоял из двух сюжетов – подробности процесса выборов в Липовке («В деревне») и в Самаре («В городе»).

Очерк Кондурушкина имеет синтетическую природу. Фактография публицистического текста соединяется в нём с элементами литературно-художественного описания, в частности с воспоминаниями о детстве, послужившими впоследствии основой для отдельных рассказов. Это результат вполне определённой авторской стратегии: проблемы и заботы родного мордовского села для писателя – следствие и исторических ошибок, и того, что происходит сегодня и требует политических решений. Автору очевидно, что настоящего нет без прошлого и, отправляясь

по заснеженной дороге в самую глубь Самарской губернии, он обращается к детским воспоминаниям. Это прежде всего память о постоянном голоде, тщетных усилиях отца вырваться из бедности, о тяжёлом труде. Похожие чувства переживает и большая часть его автобиографических персонажей, для которых светлыми воспоминаниями о детстве остаются только деревенские праздники («Звонарь», «Перед праздником» и др.).

Нельзя сказать, что приезд рассказчика в родное село оказывается возвращением «блудного сына», однако присутствующий в структуре текста элемент «неузнания героя» крайне показателен. Изумление ямщика, подозревающего в приезде «ненастоящего» барина, становится ещё большим, когда открывается, что перед ним хорошо знакомый ему земляк. Так начинается процесс постепенного вхождения автора-повествователя в сегодняшнюю жизнь деревни. Ощущение беспросветности тяжёлой жизни, с которой рассказчик расставался на много лет, вновь возвращается к нему во время встречи с липовскими крестьянами. По ходу разговора становится очевидно, насколько тяжела и безвыходна их жизнь. Откровенен рассказчик, откровенны и его собеседники: «Разве вам делали когда-нибудь добро, если вы не волновались, не требовали?

Все замолчали, припоминая прожитую жизнь.

– Вот недоимки скащивали, – радостно вспомнил до сих пор молчавший мужик.

– Так ведь мы их всё равно не заплатили бы!» [8, 95].

Кондурушкин подчёркивает, что суть происхождения и причины бедности понятны современному крестьянству, уже способному формулировать претензии к власти: «Разве ты из милости на овце в зиму шерсть оставляешь?! Весной эту шерсть ты с овцы возьмёшь, а на зиму оставляешь, чтобы она с холоду не подохла. Ну, вот так и правительство с нами поступает» [8, 95].

Деревня не верит и городу, она не доверяет и тому, кто оставил её, отправившись, по её убеждению, за лёгкой и красивой жизнью. Расположить к себе крестьян – крайне сложная задача для автора. Герой-рассказчик кажется чужим даже по внешнему облику, а подробности его петербургской жизни вызывают зависть и недоверие:

«– Чай, на фатере живёшь там?

– На квартире.

– А сколько платишь?

– Пятьдесят рублей в месяц.

¹ РГАЛИ. Ф.231. Оп.1. Ед.хр.1. Л. 1.

Наступило молчание. Что-то холодное и враждебное пахнуло в комнате.

– В месяцц!» [8, 95].

Контраст между бедностью деревни и богатством города становится всё ощутимее. Старик «в рваном полушубке, рваной шапке, весь лохматый и серый» не случайно задаёт вопрос об одежде героя:

«– Ну, а сколько, к примеру, этот пинжак на тебе со штанами стоит?

Чай, поди, рублей семь?

– Нет, больше.

– Сколько же?

Мне уже становилось тяжело отвечать на расспросы. Но я собрался с духом и ответил.

– Семнадцать рублей...

– Семна-а-адцать!..

Старик поджал губы» [8, 96].

Явный недостаток и благополучие гостя не добавляют симпатий к нему: «Слава Богу! Хорошо ты живёшь, Степан. Слава Богу! Ну, а мы вот с папашей твоим худо здесь живём, ей-Богу худо» [8, 96].

Единственное, что может обеспечить доверие односельчан, – открытость и прямота дальнейших разговоров. Благодаря своей искренности и готовности отвечать на самые острые вопросы, пониманию чаяний односельчан герой за несколько дней из чужого и далёкого горожанина превращается в своего, и всё заканчивается тем, что они оказывают своему делегату поддержку.

Очерк «В деревне» сыграл принципиальную роль в дальнейшей эволюции сюжетного поля «деревенской прозы» Кондурушкина. Реалии его прошлого становятся частью мира мордовской деревни в рассказах и повестях. Фрагменты детских воспоминаний оказываются маркерами реальности, с помощью которых автор подчёркивает особую достоверность описываемых событий. Причём, можно сказать, что границы между миром настоящего и миром литературной фантазии для Кондурушкина почти не существуют. Так, детские воспоминания из очерка «В деревне» превращаются в рассказ «Во мраке ночи». Среди наиболее примечательных «маркеров» – соответствующие эпизоды деревенского детства, узнаваемые описания ландшафтов, сцена ожидания и приезда отца, который должен вести сына домой на праздники и, конечно же, конь Бурый – участник практически всех рассказов Кондурушкина о детстве.

Подчеркнём, что Кондурушкин, подступая к деревенской теме во второй половине 1900-х гг., следует уже сложившейся литературной традиции. Поволжская деревня рассказов «Сначала» (1907)

и «Наяву» (1908) представляет собой такой же обобщённый образ деревни, что и город в рассказе «Забастовка» (1905) и железнодорожная станция в рассказе «Огарок» (1905). Идея социальной бездны, в которую погрузился деревенский мир, важнее и интереснее автору, чем подробности сельского быта, характеры крестьян и т. д. Так, герой рассказа «Наяву», сельский учитель, изнывающий от беспросветной скуки, отправляется вместе с доктором в глухую деревню. Причина его поездки примечательна – ему необходимо выяснить, почему один из его учеников перестал посещать школу. Страшные подробности невообразимой бедности глухого захолустья, чудовищной нищеты усиливаются откровенным натурализмом – операцией, которую вынужден делать врач для того, чтобы спасти умирающую пациентку. Сцена хирургического вмешательства в рассказе вызвала возражения даже у А. М. Горького, рекомендовавшего автору смягчить её физиологизм [11, 947]. Не менее выразителен и образ деревни в рассказе «Сначала», где уже её название – Свинухи – говорит само за себя. Появляющийся в ней молодой учитель непосредственно сталкивается с реалиями местной жизни, властителями которой оказываются поп и пьяница школьный сторож.

Позиция автора в этих рассказах очевидна: современная деревня находится в глубочайшем кризисе, между сельской интеллигенцией и крестьянством лежит пропасть, а вера народников в спасение деревни через её просвещение и «окультуривание» безосновательна. Не случайно доктор в рассказе «Наяву» патетически восклицает: «Нас разделяет пропасть. И вот в эту пропасть нас толкают сытые, чтобы голодные не сразу пришли в разум и не пошли отнимать у них сладкую пищу и тёплую одежду. Так врёт же, черти, не спасётесь! Отнимут, всё отнимут. И нами не укроетесь...» [6, 280].

Нельзя не заметить, что на рубеже 1900–1910-х гг. Кондурушкин постепенно уходит от однозначно негативного образа деревни. С одной стороны, у писателя проходит острота ощущений и переживаний, вызванных поражением революции 1905 г., с другой – многочисленные поездки по России, в частности, по Поволжью, общение с представителями самых разных общественных, политических и литературных направлений (от А. М. Горького, И. В. Гессена, П. Н. Милокова, депутатов-трудовиков до Илиодора, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова и др.) позволяют ему не просто по-новому взглянуть на происходящее в деревне, переживающей период столыпинских реформ, но и

попытаться представить её будущее. Несмотря на то, что в центре внимания Кондурушкина по-прежнему социальные противоречия и экономические проблемы глубинки, изображаемый им мир деревни становится более многообразным. Это не только мир социальных конфликтов, но и мир деревенского детства, мир деревенской природы, открытый для чистых и радостных воспоминаний, честного труда, для веры в возможность человеческого счастья.

В прозе Кондурушкина появляется новый образ – деревня Костычёвка, расположенная недалеко от Волги, собирательный образ мордовской деревни, похожей на его родную Липовку. Об этом сходстве говорят не только топография села с протекающей по нему речкой Мочежиной и Михайло-Архангельской церковью в центре, узнаваемые мордовские фамилии (Кистановы, Немакины, Радаевы и др.), но и собственные признания автора. Переиздавая повесть «Монах» в составе одноименного сборника, Кондурушкин добавит к тексту 1913 г. «Заключение», в котором сообщит о своих планах продолжить рассказ о жизни Дорофея Кистанова в будущем. При этом читатель становится свидетелем встречи персонажа и автора, оказывающегося односельчанином и давнем знакомцем Дорофея [7, 277].

Именно с Костычёвкой в художественном мире Кондурушкина рубежа 1900–1910-х гг. связан вопрос о пробуждении деревни, происходящих в ней изменениях, которые затрагивают не только деревенскую общину в целом, но и конкретных людей. Таков герой рассказа «Перед праздником». На первый взгляд, почти комический персонаж – маленький человек, забитый крестьянин Савка, «по глупости» угодивший в тюрьму и пробывший там в течение года, возвращается в деревню. В основе сюжета лежит, казалось бы, неприметный эпизод: вместе с учителем Захаром Сергеевичем он отправляется перед престольным праздником на остров посреди Волги бить гусей. Этот персонаж уже присутствует в очерке «В деревне»: тот самый Никудышный Савка, который первым подписывает приговор деревенского схода [8, 100–101]. Несложно заметить, как в характеристике этого персонажа в рассказе со словами автора соседствует органично вплетающееся в текст «чужое слово» – мнение о нём деревни: «Был он мужик лядаций, бросовой. Любил охоту, рыбную ловлю, даже до страсти. Звали его – Савка Никудышный. Лицо у него было маленькое, раскосое, нос пупочкой, лицо самое обыкновенное и отличается только одной особенностью: на нём всегда скрыта тихая улыбка. И кажется, что улыбка эта

просвечивает сквозь кисейную занавеску, прячется за ней» [5, 194].

Репутация весельчака и балагура, отчасти деревенского чудака, почти дурачка, меняется после возвращения Савки из тюрьмы: «Называть его стали Савелием, а иногда даже и по батюшке величали, Савелием Егорычем <...> после тюрьмы Савка стал в Костычёвке лицом заметным. Говорил на мирских сходках, дельно говорил и его слушали» [5, 194].

Пережитое в тюрьме заставляет Савку по-новому смотреть на мир, ощущая кровную связь не только с деревенской общиной, но и со всей крестьянской Россией, и это изменение в его характере принципиально, о чём свидетельствует незаконченный диалог с жандармом. На слова последнего («Ну, ну, грит, ты про Расею помолчи. Это, грит, не твоего ума дело» [5, 195]) у Савки готов ответ, дать который мешают обстоятельства. И окончательно формулирует он его уже в диалоге с учителем: «Увели тут меня; так я и не сказал ничего. А хотел я его ублажить. Я бы ему сказал!...» [5, 195].

Захар Сергеевич также видит, как меняется его спутник. Принадлежащий к числу типичных учителей-народников, он не просто по-отечески воспринимает своего товарища по охоте, он относится к нему с глубокой симпатией и в какой-то момент испытывает к нему чувство братской любви, сопереживает ему, хотя собственная сентиментальность заставляет его устыдиться и надеть маску благопристойного равнодушия. Как всегда внимательный к описаниям природы и природных явлений, Кондурушкин раскрывает перед читателем всю красоту береговых пейзажей, всю мощь реки. Волга – могучая и обильная – становится своего рода иллюстрацией тех надежд на новую и свободную Россию, которые зарождаются в душе героев. Настроение Кондурушкина, верящего в новую Россию, в новую деревню, о которой он неоднократно писал в своих письмах Горькому в 1912–1913 гг., обнаруживает себя в оптимистически звучащем финале: «Из Костычёвки плыл густой колокольный звон, расстилался по воде, уносимый течением. Из города и других сёл слабыми отголосками тоже звучали колокола» [5, 209].

Так в прозе Кондурушкина возникает «костычёвский цикл». Как можно предположить, автор планировал превратить его в нечто большее, нежели просто последовательность рассказов. Об этом свидетельствует и упоминавшийся выше сборник «Монах» (1917), и рассказ «Учительница Немакина» (1915). Фактически в прозе Кондурушкина формируется «костычёвский хронотоп» с чётко очерченным пространством, религиозным

и историческим календарём: «Как в костычёвском году есть свой особый мужицкий счёт по перерывам трудовой жизни, по праздникам: Ильин день, Казанская, Иван Постный, Воздвижение, Михайлов день, – так и в истории села есть тоже свои вехи, по которым ум возвращается в пережитое: надёжный год, турецкая война, мокрый год, скотный падеж, голодный год. Эти события остались в сознании прожитого одни, особенные, разделённые длинными промежутками безымянных, одинаковых годов. В эти промежутки были другие, менее важные, но все же памятные события: умер поп, перестраивали церковь, дальний конец горел, передохли в Волге раки...» [7, 206]. В «костычёвском хронотопе» рождается даже своя философия времени: «В нашем сознании лица и дела людские знаменуют собой историю. Костычёвка знала только историю стихийных событий» [7, 206].

Важнейшее место в «костычёвском цикле» занимает «Монах: Повесть из жизни природного монаха Дорофея Кистанова» – произведение, впервые опубликованное в нескольких номерах журнала «Русское богатство» в 1913 г. В течение нескольких лет обдумывая замысел этой повести, Кондурушкин в письме к Горькому делился: «Общее содержание – монах, пробывший четырнадцать лет на Афоне, внезапно оставил монастырь, возвращается в родное село. С этого повесть начинается. Войти снова в старую жизнь, которая к тому же изменилась, – вот для него жизненная, а для меня – художественная задача» [11, 978].

В центре повести – неординарный герой, исполненный желания понять новую, почти неизвестную для него жизнь, осваивающий мир за монастырской оградой. Несмотря на долгое пребывание в монастыре, он сохранил склонность к юмору, веселью, отчасти удалству. При этом новый мир Дорофея – это ещё и мир новых вещей, максимально визуализированных в открывающей повесть сцене разговора бывшего схимонаха с архиереем в Одессе: «Подошёл к архиерею поближе, распахнул новый пиджак из чёртовой кожи, выставил ногу в новых штанах. “На, дескать, посмотри: вот они, новенькие!”».

И сам Дорофей знает, что озорует, а удержаться не может. Уж очень вдруг весело стало» [7, 41].

Возвращение героя в родную деревню даёт возможность автору изобразить все её беды и проблемы. «Новая социальность» проявляется в самых разных формах: это не только заметное социально-экономическое ухудшение, но и очевидный духовный кризис. Традиции, заветы и законы прежней жизни оказываются под угрозой. Рушатся нравственные нормы, терпят крах

внутрисемейные отношения. Можно сказать, что смерть или угроза смерти витает почти над каждым домом: в поле вынуждена прятаться несчастная Настасья, убегающая от мужа, готового её убить, издевается над женой и попрекает её работником умирающий сосед Лифан, загадочно тонет на мелководье пьяный Иван Крылок, грозит убийством неузнанному односельчанину на дороге Павел Галкин. Далеко не всё ладно и в большой семье Кистановых: отец домогается младшей снохи, на которую не обращает внимания молодой муж, ждущий очереди в солдаты, сам Дорофей – удачливый соперник отца – оказывается затем его убийцей.

По ходу столыпинских реформ обостряются отношения внутри сельской общины, споры между сторонниками и противниками выделения земельных наделов под хутора звучат всё ожесточённее. На этом фоне Дорофей воспринимается односельчанами как угроза, лишний человек, посягающий на часть общинной собственности. Его присутствие на деревенской сходке вызывает ярость: «Шлялся незнамо где. Пришёл – земли ему дай! Мы не обязаны ему земли давать. Пусть идёт, откуда пришёл» [7, 179].

Меняется и отношение к крестьянскому труду, тяжёлому и неблагодарному. Односельчане не могут понять, почему Дорофей променял лёгкую и сытную жизнь в монастыре на тяжёлый крестьянский труд, не верят в его искреннюю готовность вновь вернуться к работе на земле. Автор констатирует: «Только очень немногие мужики, несмотря на тяжёлые условия крестьянского труда, несмотря на унижительное состояние крестьянского сословия, любят свой крестьянский труд <...> Громадное же большинство крестьян считают свою мужицкую жизнь самой плохой жизнью, свою работу – самой неприятной и тяжёлой работой и своё положение – самым трудным и унижительным. Завидуют и писарю, и учителю, и священнику, и монаху, и охотно переменили бы свою мужицкую жизнь на всякую другую жизнь в деревне или в городе, если бы такая возможность была» [7, 142–143].

Но для самого Дорофея крестьянский труд по-прежнему близок и радостен. Он не утратил крестьянских навыков, и последнее – принципиально важно для его односельчан. Не случайно солдат Вавила приходит на поле к Кистановым только для того, чтобы посмотреть на работу Дорофея: «Ну, им, пойду, до свиданья пока, – сказал Вавила и вперевалку, раздвигая колосья, пошёл обратно. А своим рассказал, что Дорофей жнёт и не разучился» [7, 157].

Эпизод жатвы показывает, как меняется в значительной степени крестьянская психология, крестьянские привычки и даже крестьянские песни. На смену прежним приходят новые: «Вечером в сумеречном поле красными пятнами светились огни костров, а невидимые Давид с Никифором и Савкой Никудышным шли по межнику и пели:

Каменна тюрьма она развали –

Эх развалилася.

По камешкам тюрьма она раскати –

Эх раскатилася.

Все тюремщички да они разбежа –

Эх разбежались...» [7, 159].

Одна из важнейших проблем деревни – стремительная утрата религиозности, на что неоднократно жалуется местный священник. Деревня судорожно цепляется за остатки веры, и для многих бывший монах кажется угрозой. Так, старик-сосед с выразительным библейским именем Давид говорит Дорофее: «А только Господа Бога ты не тронь!.. Не-эт! Господь Бог – это, брат.. Мужуку без Господа Бога никак невозможно. Это я тебе уж верно скажу» [7, 153].

О том, что в религиозном сознании Костычёвки происходят радикальные изменения, свидетельствует и история уже упоминавшегося Лифана, который отказывается от традиционных похорон и даже кусает попа за ухо, когда тот пытается соборовать его перед кончиной. Похороны и отпевание без попа – явление, которое решительным образом воздействует на сельское общество. В этой ситуации «религиозное» сопровождение похорон берёт на себя Дорофей, фактически проводящий внецерковное отпевание соседа. Не менее показательным и поведение деревенского озорника Демьяна, устраивающего пляску у гроба и заявляющего о том, что похороны без попа вовсе не похороны, а праздник. Этот эпизод отчасти становится результатом погружения Кондурушкина в проблемы так называемой «народной веры», доклад о которой он делал в Петербургском Религиозно-философском обществе в ноябре 1913 г.

Поиски Кондурушкиным новой религиозности, определённая его близость богоискательству А. М. Горького и А. В. Луначарского на рубеже 1900–1910-х гг. не могли не отразиться в характеристике героя, отчасти сближающегося не только с образом Алексея, человека Божьего, или св. Франциска Ассизского, но и с Христом. Если историю св. Алексея вспоминает сам Дорофей, то его вечернее появление в Костычёвке в момент возвращения овечьего стада – очевидная отсылка к библейской символике [7, 71–72].

Но для деревни Дорофей так и остаётся чужаком: попытка родителей женить сына заканчивается фактическим отказом отца выбранной ими девушки, а совершенное героем убийство воспринимается многими как ещё одно проявление этой чуждости. И деревня пытается окончательно вычеркнуть «блудного сына» из своей жизни, Дорофей максимально остро ощущает, как рвётся его кровная связь с деревенским миром именно в тот момент, когда стражники увозят его в город: «Дорофей заплакал. Только в эту минуту понял он, с чем ему жалко расставаться: он не услышит больше этой задушевной песни, не увидит синего горба волжского берега, тихой степной дали, знакомых лесов, – всего того, что четырнадцать лет, как старая уверенность в жизни, манило его, тянуло с Афона на родину» [7, 274–275].

Однако автор не заканчивает историю своего персонажа его арестом. Переиздавая повесть, Кондурушкин в «Заключении» коротко обрисует то, что случилось с героем позднее: оправдание его судом присяжных, безуспешные попытки найти себя в городе и обозначение двух «идиллических хронотопов» (данный термин ввёл М. М. Бахтин): один из которых Афон, второй – Костычёвка [7, 276–279].

Нельзя сказать, что критикуя современный уклад деревенской жизни, Кондурушкин пессимистично воспринимает будущее деревни. Напротив, при всех её чудовищных язвах, бедах и заботах, мир деревни, в видении писателя, обладает будущим, и будущее это связано с той самой магией сельского труда и его животворящими силами, что мастерски передано в сцене деревенской жатвы: «Всё в то утро радостно волновало Дорофея, даже до восторга. Он вспомнил, как шестилетним мальчиком впервые выехал с отцом в поле и был изумлён тайной широкого, светлого простора под небом, загадочного движения облаков. И теперь стало ему по-детски легко и от радости смешно. Ржаные загоны были далеко. Поднялись на степную взлобину над Костычёвкой. Курились белым туманом поёмные леса; светлой цепью омутов изогнулась по степи Мочежина. Кое-где уже слегка колыхнулись зыбкие нивы» [7, 152].

Несмотря на радикально меняющуюся с началом Первой мировой войны общественную и политическую ситуацию в стране и появление в прозе Кондурушкина новых сюжетов, его интерес к миру деревни продолжает сохраняться. Так, в рассказе «Учительница Немакина» (1915) действие разворачивается в Костычёвке в дни возвращения в неё героя «Монаха», а в очерке «Крестьянство» Кондурушкин подробно опишет свой приезд

в Липовку на Пасху 1917 г. и разговоры с земляками о войне, революции и новой жизни («Половодье: Очерки первых дней переворота», 1917).

Обсуждение и заключение

Подводя итоги отметим, что мир деревни – это прежде всего мир родного писателю мордовского села, с его проблемами и заботами, тяжёлым прошлым и настоящим, неясными перспективами. Начиная с его фактографического описания в очеркистике, где подчеркивались конфликт деревни и города, кризис традиционного уклада, необходимость земельной реформы и переустройства деревенского социума, Кондурушкин во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг. идёт по пути художественного осмысления этого мира. В «костычёвском цикле», в центре которого – образ

родной мордовской деревни, автор выразительно представляет трагедию современного села с его социальным расслоением и разрушением деревенской общины, с яркими типажам, иллюстрирующими все многообразие этнического и социального состава села, их надежды, чаяния и беды, масштаб социальных конфликтов, разрывающих не только деревенский мир, но и конкретные семьи.

Глубокое знание подробностей деревенского быта, понимание психологии современной деревни, разнообразие сюжетов ставят произведения Кондурушкина в один ряд с лучшими художественными достижениями отечественной деревенской прозы начала XX в. и одновременно позволяют рассматривать их как один из важнейших источников по социальной и политической истории России предреволюционной эпохи.

Список источников и литературы

1. Венедиктова Т. Литературный дискурс как теория социального // Новое литературное обозрение. 2019. № 1 (155). С. 14–26.
2. Владимирова С. М. Последняя повесть С. С. Кондурушкина // Центр и периферия. 2021. № 4. С. 58–64.
3. Волосков И. В., Колчин В., Волоскова К. Мир русской деревни в рассказах В. М. Шукшина // News of Science and Education. 2018. Т. 5. № 8. С. 60–62.
4. Дубровская С. А., Владимирова С. М. Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 37–47.
5. Кондурушкин С. Перед праздником // Русское богатство. 1913. № 2. С. 192–209.
6. Кондурушкин С. С. Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 2. 292 с.
7. Кондурушкин С. С. Монах: Повесть из жизни природного монаха Дорофея Кистанова. Петроград: Жизнь и знание, 1917. 279 с.
8. Кондурушкин С. С. На выборах. В деревне // Русское богатство. 1907. № 3. С. 84–109.
9. Кругликов П. В. Список населённых мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года. Самара: Тип. И. П. Новикова, 1890. URL: https://www.personalhistory.ru/papers/1889_sp_samara.htm (дата обращения: 02.09.2022).
10. Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГНГН, 2016. 312 с.
11. Переписка с С. С. Кондурушкиным. Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова. Из дневника С. С. Кондурушкина (1908) // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 944–992.
12. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.
13. Шеянова С. В., Левина Н. Н. Мордовская литература от истоков до современности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 256 с.
14. Щавлинский М. С. Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874–1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Международная конференция молодых исследователей: Сборник статей / под ред. А. О. Бурцевой, У. В. Кононовой и др. М: Common Place, 2022. С. 100–113.
15. Dixon S. The “Mad Monk” Ilidor in Tsaritsyn // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. № 1/2. Pp. 377–415.
16. Grittmeier R. Intention and Interpretation: A Short History. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. VI. 207 p.
17. Herrlinger P. Villain or Victim? The Faith-Based Sobriety of the Factory Worker Petr Terekhov in Soviet Russia, 1925–1929 // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65. № 9. Pp. 1737–1754.
18. Moretti F. The Bourgeois: Between History and Literature. L.; N.Y.: Verso, 2013. XII. 203 p.
19. Schleifer R. A Political Economy of Modernism: Literature, Post-Classical Economics, and the Lower Middle- Class. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 350 p.

References

1. Venediktova T. *Literaturnyy diskurs kak teoriya sotsial'nogo* [Literary discourse as a theory of the social]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2019, no. 1 (155), pp. 14–26. (In Russian)

2. Vladimirova S. M. *Poslednyaya povest' S. S. Kondurushkina* [The last novel of S. S. Kondurushkin]. *Tsentr i periferiia* [Center and periphery], 2021, no. 4, pp. 58–64. (In Russian)
3. Voloskov I. V., Kolchin V., Voloskova K. *Mir russkoy derevni v rasskazakh V. M. Shukshina* [The world of a Russian village in the stories by V. M. Shukshin]. *News of Science and Education* [News of Science and Education], 2018, no. 5 (8), pp. 60–62. (In Russian)
4. Dubrovskaya S. A., Vladimirova S. M. *Stepan Kondurushkin i Maksim Gor'kiy: k probleme literaturnykh kontaktov v istoriko-kul'turnom kontekste epokhi* [Stepan Kondurushkin and Maxim Gorky: to the problem of literary contacts in the historical and cultural context of the epoch]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 37–47. (In Russian)
5. Kondurushkin S. *Pered prazdnikom* [Before the Holiday]. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1913, no. 2, pp. 192–209. (In Russian)
6. Kondurushkin S. S. *Rasskazy* [The Stories]. Saint-Petersburg: Znanie Publ., 1910. Vol. 2. 292 p. (In Russian)
7. Kondurushkin S. S. *Monakh: Povest' iz zhizni prirodnogo monakha Dorofeya Kistanova* [The Monk: A Story from the Life of the Natural Monk Dorofey Kistanov]. Petrograd: Zhizn' i znanie Publ., 1917. 279 p. (In Russian)
8. Kondurushkin S. S. *Na vyborakh. V derevne* [On Election Day. In the Village]. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1907, no. 3, pp. 84–109. (In Russian)
9. Kruglikov P. V. *Spisok naselennykh mest Samarskoy gubernii, po svedeniyam 1889 goda* [List of settlements of Samara Guberny according to data of 1889]. Samara: Tip. I. P. Novikova Publ., 1890. Available at: https://www.personalhistory.ru/papers/1889_sp_samara.htm (accessed September 02, 2022). (In Russian)
10. Nikolaev G. A. *Volzhscoe krest'yanstvo vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: etyudy po istorii i etnologii* [Volga peasantry in the second half of the XIX – early XX centuries: the etudes on history and ethnology]. Cheboksary: ChGNGN Publ., 2016. 312 p. (In Russian)
11. *Perepiska s S. S. Kondurushkinym. Predislovie, publikatsiya i kommentarii V. N. Chuvakova. Iz dnevnika S. S. Kondurushkina (1908)* [Correspondence with S. S. Kondurushkin. Preface, publication and comments by V. N. Chuvakov. From the diary of S. S. Kondurushkin (1908)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], 1988, no. 95, pp. 944–992. (In Russian)
12. *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary time: forms of interaction and methodology of analysis: collective monograph]. Ed. by A. A. Kholikov with participation of E. I. Orlova. Moscow: IMLI RAN Publ., 2021. 768 p. (In Russian)
13. Sheyanova S. V., Levina N. N. *Mordovskaya literatura ot istokov do sovremennosti* [Mordovian literature from its origins to the present]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta Publ., 2017. 256 p. (In Russian)
14. Shchavlin'skiy M. S. *Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919): zhizn' i tvorchestvo. Materialy k biografii, 1874–1905 gg.* [Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919): life and creativity. Materials to the biography, 1874–1905]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyy protsess: XI i IX Mezhdunarodnaya konferentsiya molodykh issledovateley: Sbornik statey* [Textology and the Historical and Literary Process: X and IX International Conference of Young Researchers: Collection of articles]. Ed. by A. O. Burtseva, U. V. Kononova and oth. Moscow: Common Place Publ., 2022. pp. 100–113. (In Russian)
15. Dixon S. The “Mad Monk” Ilidor in Tsaritsyn. *The Slavonic and East European Review*, 2010, no. 88 (1/2), pp. 377–415. (In English)
16. Griittemeier R. *Intention and Interpretation: A Short History*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. VI. 207 p. (In English)
17. Herrlinger P. Villain or Victim? The Faith-Based Sobriety of the Factory Worker Petr Terekhov in Soviet Russia, 1925–1929. *Europe-Asia Studies*, 2013, no. 65 (9), pp. 1737–1754. (In English)
18. Moretti F. *The Bourgeois: Between History and Literature*. L.; N.Y.: Verso, 2013. Vol. XII, 203 p. (In English)
19. Schleifer R. *A Political Economy of Modernism: Literature, Post-Classical Economics, and the Lower Middle-Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 350 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубровская Светлана Анатольевна, профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора Центра М. М. Бахтина, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.

s.dubrovskaya@bk.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-5660-8977

Осовский Олег Ефимович, главный научный сотрудник, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А), доктор филологических наук, профессор.

osovskiy_oleg@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-9869-3233

ABOUT THE AUTHORS

Dubrovskaya Svetlana Anatolyevna, Professor, Department of Russian Language as a Foreign, Vice Director of the M. M. Bakhtin's Center, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences.

s.dubrovskaya@bk.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-5660-8977

Osovskiy Oleg Efimovich, Chief Researcher, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Stencheskaya St., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

osovskiy_oleg@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0002-9869-3233